

АРХЕОЛОГИЯ

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH174886-911>

Кореневский Сергей Николаевич
д.и.н., ведущий научный сотрудник
Институт археологии РАН, Москва, Россия
skorenevskiy@yandex.ru

ТРАДИЦИЯ ПОРЧИ СОСУДА: ИСТОКИ ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ ПРЕДКАВКАЗЬЯ

Аннотация. В статье рассматриваются металлические и керамические сосуды из памятников майкопско-новосвободненской общности, имеющие признаки деформации. Источниками работы являются большей частью фотографии и рисунки автора материалов, которые хранятся в Государственном Эрмитаже. Сами по себе эти вещи были опубликованы неоднократно, но деформации сосудов, как правило, не описывались. Обнаруженные дефекты позволяют сделать вывод, что некоторые сосуды Майкопского кургана были намеренно повреждены; еще до постанковки в могилу одни из них могли ремонтироваться. Особо интересно бронзовое ведерко из Майкопского кургана: его петли для крепления дужки-рукоятки намеренно разрушены, то есть ведро было поставлено в могилу в «убитом» состоянии. В статье проанализированы все известные формы бронзовых сосудов из всех комплексов майкопско-новосвободненской общности и ее периферии. Выяснено, что все они практически имеют дефекты или следы ремонта. В основном они не пригодны для использования в быту. И в этом заключалась особенность традиции их помещения в могилу. Порча или ремонт сосуда из металла или порча керамики могла трактоваться как возможность пользования в «стране предков» покойным сородичем именно сосудов с дефектами, а отдельный фрагмент сосуда приобретал магический смысл. Истоки традиции порчи сосудов или использование в погребальном обряде отдельных черепков находит примеры в погребальном обряде протоямной культуры предмайкопского времени Предкавказья. Поэтому можно полагать, что такая традиция была заимствована носителями майкопской культуры от предшествующего населения. Впоследствии она была передана племенам эпохи средней бронзы.

Ключевые слова: сосуд; деформация; порча сосудов; традиция; культ; курган; погребение; культура; возрождение; Предкавказье; Майкоп.

ARCHEOLOGY

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH174886-911>

Sergey N. Korenevsky,
Dr. Sci. (History), Leading Researcher
Institute of Archeology, RAS, Moscow, Russia
skorenevskiy@yandex.ru

THE TRADITION OF SPOILING VESSELS: ORIGINS ACCORDING TO THE ARCHEOLOGICAL DATA OF CISCAUCASIA

Abstract. The article reviews the deformed metallic and ceramic vessels of the Maikop-Novosvobodnenskaya community. The study is mainly based on the author's photographs and sketches, stored in the State Hermitage Museum. The artifacts themselves were published numerous times, but the deformation of vessels, in particular, has not yet been covered. The revealed defects allow us to conclude that some of the vessels of the Maikop Kurgan were damaged intentionally; prior to placing the vessels into the grave, some of them could have been repaired. Of particular interest is a bronze bucket found in the Maikop Kurgan: its hinges for mounting the arched handles were purposely broken, i.e. the bucket was placed in the grave in the "murdered" state. The article analyzes all known shapes of bronze vessels from the whole assemblage of the Maikop-Novosvobodnenskaya community and its periphery. It has been revealed that all of them have some forms of defects or traces of repair. In most cases they are not suitable for household use, which is the very feature of the tradition of placing them in graves. Damage or repair of metallic vessels or spoilage of pottery could have been considered as a possibility for using the damaged vessels by the kinsman in the "land of ancestors", and an individual fragment of a vessel acquired magical properties. The origins of spoiling vessels and the use of individual shreds in funerary rites has its roots in funerary rites of the Proto-Yamnaya culture of the Pre-Maikop period of Ciscaucasia. Thus, we believe that this tradition was borrowed by the bearers of the Maikop culture from their predecessors. Subsequently, it was passed to the tribes of the Middle Bronze Age.

Keywords: vessel; deformation; vessel spoilage; tradition; cult; kurgan; burial; culture; revival; Ciscaucasia; Maikop.

Введение

«Разбейся, горшок, на кусочки, чтоб у нас народились сыночки» – примерно так гласит народная поговорка, восходящая к древним временам, когда люди верили в волшебство испорченного сосуда. Они полагали, что разбитый на свадьбе горшок обеспечивал плодородие и процветание молодой семье. Далеким эхом этих верований является обычай наших дней для жениха и невесты бить бокалы, выпив из них шампанского, во время праздничного обряда бракосочетания.

Насколько можно проследить уходящую в древность эту традицию? Археологи, изучавшие древности раннеславянского времени Змиевского района Харьковской области на Украине, собрали сведения о погребальных обрядах местного населения. Было отмечено и то, что по данным арабского энциклопедиста Ибн Даста (Ибн Руста) (кон. IX – нач. X в.), славяне на следующий день после похорон сородича выполняли очень древний ритуал, содержание которого арабский историк до конца понять не мог. На могиле усопшего человека родственники разбивали горшок. Его осколки клали в могильную яму. Археолог Ю.А. Коловрат-Бутенко [1], изучавший эту традицию, отметил, что обычай класть в могилу битую посуду имеет древнюю индоевропейскую практику. В.В. Иванов, например, отметил разбивание сосуда во время похорон хеттского царя [2, с. 7].

История древних носителей индоевропейских обрядов реально уходит в эпоху медно-бронзового века. Была ли традиция такого обращения с посудой свойственна только предполагаемым и гипотетическим носителям индоевропейских языков того времени или характерна для иных историко-культурных объединений племен – вопрос, требующий специального рассмотрения. Ниже обратимся к реальным фактам подобных обычаев на примере Предкавказья и, в частности, в археологии существовавшей здесь, феноменально развитой по меркам IV тыс. до н.э., майкопско-новосвободненской общности.

Порча сосудов в памятниках майкопско-новосвободненской общности

Прежде всего, рассмотрим ситуацию с посудой в самом значимом и богатом комплексе самого Майкопского кургана [3]. Могильная яма этого памятника крупного размера 5,33 ´ 3,73 ´ 1,42 м была ориентирована с СЗ на ЮВ. Она была разделена перегородкой из дерева на три части. Отсек № 1 занимал южную половину ямы. Два других отсека образовывала стенка, перпендикулярно расположенная к стенке отсека № 1. Она делила пространство на восточный отсек № 2 и западный отсек № 3.

В каждом отсеке был похоронен человек. Позы всех трех покойных были одинаковы. Люди лежали на спине с коленями ног, некогда поднятыми наверх, и стопами, поставленными на землю плашмя. Кости ног со временем завали-

лись на сторону. Тела покойных людей были густо покрыты красной краской мертвых – киноварью – и находились на слое галечных голышей. Руки были согнуты в локтях и положены за голову. Вероятно, так были выполнены ритуальные позиции похороненных с великими почестями знатных людей. Аналог таким позам Н. Музейбли зафиксировал в Азербайджане на поселении Пойлу II у двух людей лейлатепинской культуры, погребенных прямо в культурном слое и без особо богатых посмертных приношений [4, с. 208, 209].

В отсеке № 1 Майкопского кургана на покойном и вокруг него было обнаружено множество украшений из золота, серебра, полудрагоценных камней (сердолик, бирюза). В углу могилы лежали бронзовый топор, топор-мотыга, мотыга, два кинжала, два каменных стержня (рис. 1). Вдоль восточной стенки были расставлены 14 сосудов из серебра, два – из золота и один каменный сосуд с накидным дном и золотым накидным горлом с золотой крышкой. Вдоль противоположной стенки были помещены 8 глиняных горшков.

В отсеке № 2 находилась посуда из бронзы. В отсеке № 3 в углу стоял только крупный сосуд – пифос.

Благодаря публикациям Ю.Ю. Пиотровского [5, с. 105–171], сейчас мы имеем наиболее полное представление о сосудах Майкопского кургана. Как отмечалось, вдоль восточной стенки отсека № 1 были расположены 14 серебряных и два золотых сосуда; один сосуд, по замечанию Н.И. Веселовского, был сделан из камня. Формы сосудов из металла близки формам керамических сосудов. Среди них есть деформированные изделия, целые сосуды, а также только обломки (рис. 2). Целые формы представляют собой маленькие кубки с округлым туловом и высоким горлом, высотой 12,8 см, 13,6 см, 19,9 см и с горлом средней высоты – размером 19,5 см (рис. 2, 1). Один сосуд, высотой 13,4 см, имеет шаровидное тулово и резко отогнутый венчик (рис. 2, 9). Другой сосуд, высотой 6,8 см, напоминает стакан с приставными ушками (рис. 2, 10). Маленькая ребристая миска имеет высоту 7,6 см (рис. 2, 4). Две серебряных миски с округлым дном, высотой около 5 см и диаметром около 8–14 см (рис. 2, 5, 11). Миска, некое подобие чана, имеет высоту около 11 см и диаметр около 26 см (рис. 2, 16). Два шедевра – сосуд с пейзажем и сосуд с розеткой на дне имели высоту 9,6 см и 9,2 см соответственно (рис. 8).

Помимо целых форм в наборе присутствуют и отдельные обломки сосудов (рис. 2, 2, 6, 8, 12, 14, 15, 17–19). Таковы, в частности, фрагменты сосуда с рифлением (возможная высота до 12 см) (рис. 2, 2), часть круглодонного сосуда с фрагментом горла и тулова без дна (рис. 2, 6) с возможной высотой до 9–10 см. Присутствуют еще два фрагмента от верхней части сосуда диаметром до 6–7 см [6. Abb. 25–27].

Сосуды из золота представлены ребристой миской и высокогорлым кубком (рис. 2, 4, 7). Остальные сосуды серебряные. Мне удалось проанализировать металл четырех обломков сосудов из серебра. Содержание в них меди присутствует в количестве более 10%. Это билоны, количество серебра в них должно уточняться при более современном анализе состава металла [7, с. 86–104].

Способ изготовления майкопских сосудов еще специально не изучался. Можно только отметить их очень тонкие стенки, возможно, полученные выколоткой первоначальной модели.

Два серебряных сосуда из Майкопского кургана были наделены особыми свойствами передачи информации в мифах своего времени. Коротко напомним еще раз о сценах на этих кубках. Их описание и подробный разбор делались неоднократно, в том числе и в работах Н.И. Веселовского [3], Б. В. Фармаковского [8], М.И. Ростовцева [9, р. 26–28]. Отмечены они и Ю.Ю. Пиотровским: изображения на сосудах были нанесены чеканом с лицевой стороны [5, с. 156].

Так, на сосуде с пейзажем (рис. 3, 4) мы видим три ряда горных цепей, которые поднимаются одна над другой. Горный пейзаж украшают две могучие горы с двуглавыми вершинами. Рядом возвышается одинокий пик высокой горы. Пейзаж в целом напоминает вид на Большой Кавказ с севера, как подметил Б.В. Фармаковский [8].

Горные цепи образуют «поверхность» «волшебной страны». На ней растут два дерева. Возможно, это некое подобие пальм. Ствол и ветви деревьев заштрихованы крест-накрест. Это явное изображение Древа Жизни, плодами которого пытается лакомиться стоящий под ним зверь.

Зверь обладает мохнатой шкурой с хорошо выраженным хвостом. Окончание задней лапы раздвоено (что это? копыто?). Морда зверя удлинена. Ее отделяет от туловища то ли ошейник, то ли грива. Передняя лапа неестественно длинная и тянется к ветке дерева «за угощением». Зверь явно лакомится плодами растения. Его вид установить трудно. Обычно этого зверя ассоциируют с медведем. Но у медведей не бывает ни длинных хвостов, как у рассматриваемого животного, ни копыт. Возможно, это некий фантастический зверь, изображенный в мелком масштабе, как доминантное животное «волшебного царства» у Древа Жизни [7].

Ниже «горизонта белого света» не спеша идут по кругу животные. В верхнем ряду изображены два кавказских могучих быка-тура, лев, онагр или кулан. Вид копытного зверя выдает стоячая короткая грива и хвост, который заканчивается кисточкой, как у осла. Ни лошадь, ни тарпан таким хвостом не обладают. В нижнем ряду по кругу расположены горный козел, вепрь, львица, горный баран¹. На спине льва показана птица с длинным клювом. Рядом с ней изображено некое растение.

После образов зверей художник дополнил картину изображениями двух стекающих вниз рек, впадающих в озеро или океан. Пространство рек и озера заштриховано елочным орнаментом.

На сосуде с розеткой (рис. 5, 6) художник изобразил водный поток в виде ленты елочного орнамента, окаймляющей основание горла горшочка. Ниже водного потока на тулове сосуда в ряд идут кавказский тур, горный баран, гепард, тур и снова гепард. На шее гепардов различимы ошейники, что верно подметил Ю.Ю. Пиотровский [5, с. 159]. Среди зверей показаны три птицы с длинными клювами и одна с загнутым клювом хищника. Низ сосуда покрыт

1 Определения животных сделаны проф. К.К. Флёровым, Институт палеоантропологии РАН.

изображением розетки в виде переплетающихся фестонов - знаков лепестков цветка. Наличие ошейника на хищном звере подразумевает, что у него есть хозяин или хозяйка. Скорее всего, ею является сама богиня – повелительница Древа Жизни.

Древние мастера свободно владели клепкой деталей на сосудах. Они могли прикрепить на заклепках к тулову сосуда ручки-ушки. Так, золотые ушки имеют стакановидный сосуд. Ушки (2 шт.) были поставлены на сосуд с пейзажем и прикреплены к сосуду с горлом средней высоты [5. Abb. 25, 1]. Один серебряный сосуд имел накидной золотой обод на тулове ниже горла, скрепленный заклепками [5. Abb. 25, 4] (рис. 2, 3).

Особый вопрос возникает с интерпретацией каменного полого сосуда (рис. 7). Ю.Ю. Пиотровский рассматривает его в качестве навершия булавы [5, с. 155]. Сразу надо сказать, что это предположение неверно, так как полых булав не бывает. Н.И. Веселовский в отчете прямо отмечает, что вдоль восточной стенки отсека №2 находился «каменный точеный сосуд с накладным дном из серебряных вызолоченных пластинок и золотым горлышком» [10, с. 47]. Конечно, возникает интерес к составу металла предметов из благородных металлов, например, какой процент золота содержится в золотых изделиях и какой процент серебра – в серебряных. Такой вопрос у Ю.Ю. Пиотровского вызывает даже непонимание в своей постановке [5, с. 155]. В нем нет и намек на определение содержания в них основы металлов, кроме золота и серебра. Анализ обломков четырех сосудов из серебра был сделан мной давно и опубликован в 1988 г. [7]. Они оказались билонами. Но почему-то Ю.Ю. Пиотровский на эту работу даже не ссылается.

Связь каменного полого сосуда с накидным горлом именно с категорией посуды обосновывается самим положением предмета среди кубков, горшочков и мисок вдоль восточной стенки. Он положен не среди орудий в углу погребения. На использовании его как сосуда указывают также затертости на его дне (рис. 7, 9).

В восточном отсеке № 2 были поставлены сосуды на медной основе. В их число входил чан с круглым дном, высотой около 26 см и диаметром корпуса около 46 см. Его венчик несет следы ремонта и стягивания заклепками. Далее следовали чаша медная диаметром около 48 см и высотой около 14 см и медное ведерко высотой 16–17 см и диаметром устья около 21 см (рис. 10). Помимо этого, имеются 4 фрагмента частей сосуда с круглым дном. Эти куски венчиков и придонной части не состыкуются и являются лишь обломками одного или нескольких крупных сосудов [5, рис. 30, 31].

При сравнении сосудов из отсеков № 1 и № 2 можно заключить, что в отсеке № 1 была сконцентрирована посуда для индивидуального пользования относительно небольших объемов 72 мл, 43–112 мл, 1,14 л. Вероятно, она предназначалась для культовых церемоний с расчетом использования одним человеком.

В отсеке № 2 набор посуды был представлен более крупными формами. Возможно, эти наборы рассматривались как собрание «тарной» посуды с условным объемом «условной жидкости» на несколько лиц, или посуды, в которой могли готовить пищу или подавать угощение на несколько персон.

Отмеченные сосуды многократно публиковались и описывались в литературе. Как правило, они демонстрировались в самом лучшем виде. Изображения на них воссоздавали картины с магическими рисунками, которые донесли до нас мифы того времени. На самом деле металлические сосуды Майкопского кургана имеют разную сохранность и многочисленные дефекты. Источники этих повреждений не исследовались. В описании раскопок Н.И. Веселовского есть упоминание ситуации с перекрытием могилы, которое говорит, что «когда дерево сгнило, земля засыпала гробницу, причем некоторые вещи пострадали от тяжести, были сдавлены ею» [3]. Какие это были вещи, в отчете не указано. Объяснить падением земли такие страшные «травмы» сосудов вряд ли возможно. Разбора повреждений на сосудах нет при их описании и в работе Ю.Ю. Пиотровского [5, с. 156].

Ниже остановимся на нескольких примерах подобных деформаций. Так, сосуд с пейзажем имеет поврежденное тулово, потерявшее герметичность. Сосуд с гепардами и розеткой на дне имеет разорванное горло. На его дне зияет отверстие от удара, проломившего насквозь корпус (рис. 6). Таким образом, самые информативные сосуды (по своей мифологической нагрузке) несут самые тяжкие деформации.

На нескольких сосудах прослеживаются вмятины. Скорее всего, это следы от ударов отбойником в виде молотка из гальки или некоего подобия такого инструмента (рис. 8).

Обращают на себя внимание следы щелевидного разрыва туловища сосуда, которые могли возникнуть при изготовлении предмета, и следы ремонта такого дефекта (рис. 8, 9). При ремонте использовалась, видимо, спайка или сварка. На одном сосуде заметна даже серия заплат, которыми стремились закрыть щелевидный разрыв. Заплаты делались из ткани, которые крепили в месте щелевидного повреждения сосуда (рис. 8, 4, 5). Такие наблюдения позволяют считать, что в погребение ставились сосуды, прошедшие ремонт, и целые сосуды. Многие из них подвергались намеренной порче. Их били ручным молотком и даже проламывали корпус или разрывали горло.

Особо показательна ситуация с бронзовым ведром. Его петли для крепления дуговидной ручки оказались открытыми. Их то ли разорвали намеренно, то ли намеренно распилили. Ручка в них крепиться более не могла. Это явный пример намеренной деформации предмета (рис. 10). Другой очевидный показатель дефекта ведра – это отверстия на его дне.

Насколько типична ситуация с порчей сосуда, встреченная в Майкопском кургане? Рассмотрим находки *металлических сосудов* в других комплексах майкопско-новосвободненской общности. Так, небольшой сосуд из погр. 70 кург. 1 Заманкульского могильника имел на дне заплату [11, с. 295, рис. 87-1, 8], то есть он прошел ремонт (рис. 11, 1). Что послужило поводом для постановки заплаты, не вполне ясно. Возможно, то был дефект при отливке сосуда – небольшое отверстие на дне горшка.

Сосуд из кург. 6 погр. 4 аула Кубина был смят [11, с. 305, рис. 90-1] (рис. 11, 2). Котел из гробницы Нальчикского кургана имел разорванный корпус [11, с. 305,

рис. 90-1, 12] (рис. 11, 3). Котел из кургана у Автозаправки в Кисловодске имел заплату на корпусе [11, рис. 90-1, 11] (рис. 11, 5). Деформирован был корпус и котла из Кишпекской гробницы [11, рис. 90-1, 10]. Котел из кург. 6 Бамутского могильника имел разрыв на тулове [11, рис. 90-1, 3] (рис. 11, 4). Сильная деформация была зафиксирована на одном из котлов погребения в Иноземцевском кургане 1976 г. [12, рис. 9, 9] (рис. 11, 6-8) – он был намеренно сплюснен. Такая же деформация наблюдалась на котле из Андреевского кург. 1 погр. 1 [13] (рис. 12, 1). В Новосвободненской гробнице кург. 1 были представлены обломки майкопских сосудов [14, табл. VII].

Наконец, в могильнике Эвдык кург. 4 погр. 23 в погребение местному лидеру был поставлен сосуд без дна и венчиковой части [11, с. 305, рис. 90-1, 7] (рис. 12, 2). Последний пример поразителен и показателен. Сородичи усопшего лидера не придавали никакого значения тому, есть дно у бронзового сосуда или его нет. Более важно было поместить в могилу символ самого предмета, некогда бывшего котлом. Это явное указание на то, что именно испорченная вещь по местным верованиям должна была служить ее хозяину в стране предков, откуда нет возврата. Отправить целую посуду на «тот свет» явно не предполагалось.

Керамические сосуды. В отсеке № 1 Майкопского кургана было представлено 8 керамических круглодонных сосудов охристого цвета. В основном это сосуды, отличающиеся строгой симметрией формы, вероятно, связанные с использованием поворотного устройства при их изготовлении. Самый маленький горшок имеет блестящий черный цвет. Его тулово несет след деформации, часть тулова отсутствует (рис. 13, 1, 10). Горшок 2 класса с туловом ручной лепки в комплексе только один (рис. 13, 12). Это сосуд тюльпановидной формы. На его поверхности видны следы вторичного пламени; дно горшка немного вогнуто.

Ранее мы оценили емкости сосудов Майкопского кургана. Получились такие результаты: сосуды из глины включают один малый шаровидный горшок емкостью 179 мл, а также 7 более крупных сосудов с округлым дном емкостью от 1,4 л до 2 л и 3,2 л.

На выставке 1898 г. глиняные сосуды из отсека № 1 были показаны после грубоватой склейки в камеральных условиях (рис. 12, 10-12). В момент раскопок они были разбиты на мелкие кусочки. Малый чернолощенный горшочек вообще, видимо, был поставлен в деформированном состоянии без части корпуса у дна (рис. 12, 10).

В западном отсеке № 3 стоял только крупный пифос (рис. 13, 11). Он вмещал до 40 л жидкости [15]. Сосуд реставрирован. Видимо, в момент раскопок он был тоже разбит на части, которые затем склеили уже в камеральных условиях. Мог ли пифос быть разрушен во время обвала грунта? Это большой вопрос, так как толщина стенок пифосов достигает 1-2 см. Майкопский пифос после обжига становился прочным изделием. Его можно было разрушить, если только специально разбивать, нанося удары. Следы таких ударов по пифосу я фиксировал при раскопках жилища на поселении Галюгаевское-1. Эти удары оставили следы-вмятины, которые затянула патина. У стенки другого строения, с ее внешней стороны, были расчищены обломки пифоса, который был

явно разбит [16]. Такие разрушения сосудов на поселении можно объяснить обрядом, связанным с покиданием жилища.

Погребальная практика майкопско-новосвободненской общности показывает, что обычай разбивать сосуд или ставить разбитый горшок в захоронение не раз имел место в ее обрядах. Так, в погр. 13 кург. 5 II Нежинской группы были найдены два сосуда. Оба были украшены паркетным орнаментом – символом возрождения [17]. Меньший сосуд стоял на дне погребения. Более крупный горшок был разбит, и его части были брошены в заполнение могилы; целой формы они не представляли (рис. 12, 3, 4).

В протосреднебронзовом захоронении 14 I Нежинской группы был найден майкопский сосуд с отверстием в придонной части [18, с. 22–25]. Поверхность вокруг отверстия была затерта, что отражает некие культовые манипуляции с этой вещью (рис. 12, 5).

Эти примеры показывают, что традиция постановки в погребение дефектной посуды из металла или керамики у майкопцев перекликалась с традицией сопровождать захоронение дефектными вещами. Она могла подразумевать верования о культе возрождения или благоденствия для уходящего в «страну без возврата» сородича. Такую традицию можно бы назвать магией порченной вещи. Эта магия перешла к племенам эпохи средней бронзы, судя по примеру элитного погребения в Лысогорском кургане 3 погр. 4. В нем среди набора оружия и орудий были найдены обломки бронзового кубка [19] (рис. 12, 6).

Истоки традиции порчи сосуда в Предкавказье фиксируются в более раннее время, чем появление майкопских племен. Ее можно отметить по погребениям курганного энеолита.

Так, в погр. 28 могильника Константиновский-1 были обнаружены фрагменты не целого горшка, а только отдельного черепка [20, с. 161]. Традиция порчи сосуда при похоронах и помещения черепков в могилы была отмечена при раскопках кургана 4 протоямной культуры могильника «Прогресс» в Кировском районе Ставропольского края. В его двух захоронениях – погр. 9 и погр. 12 – были обнаружены фрагменты одного и того же сосуда [20, с. 158]. Дата погр. 12 кург. 4 могильника Прогресс: 4228-4066 BC [20, с. 158].

Заключение

В 1922 г. М.И. Ростовцев пришел к выводу, что Майкопский курган датируется преддинастическим временем, и его вещи связаны с местным производством [9, р. 26–28]. Эта хронология подтвердилась датами радиоуглеродного анализа в том смысле, что время сооружения Майкопского кургана относится к периоду, предшествующему эпохе ранних династий. Дата Майкопского кургана, принимая во внимание радиоуглеродную датировку комплекса с бронзовой мотыгой из Северной Осетии, может быть соотнесена с датой погр. 70 кург. 1 мог. Заманкул (4820 ± 70 BP; 3640-3500 BC) [11, с. 27–30], т.е. со второй четвертью IV тыс. до н.э., что вполне соответствует времени ранних памятников галю-

гаевско-серегинского (майкопского) варианта майкопско-новосвободненской общности [11, с. 27].

Типология находок в Майкопском кургане также позволяет рассматривать их как местные изделия, так как аналогов им нет в это время ни на Ближнем Востоке, ни в Подунавье. Майкопские находки в Предкавказье отмечены сериями вещей, в т.ч. и металлических сосудов. В период второй четверти IV тыс. до н.э. сосуды из золота и серебра, а также на медной основе на Ближнем Востоке не зафиксированы. Поэтому рассматривать их как импорты из дальних стран, но неизвестно откуда, неправомерно. Эти соображения были опубликованы давно [7]. Сейчас их подкрепляют и другие наблюдения.

Точка зрения М.И. Ростовцева много лет назад была без особого обсуждения отвергнута Г. Чайлдом [21, с. 222] и А.А. Иессеном [22]. По их представлениям, древности Майкопского кургана соответствовали погребениям в царском некрополе Ура середины III тыс. до н.э. Такое сопоставление в отношении хронологии этих комплексов разных культур неправомерно. Между вещами Майкопского кургана и предметами царского кладбища в Уре прямых аналогов нет. В царском кладбище Ура ничего не свидетельствует о порченной посуде в погребальном обряде. По мифологии шумеров знатный умерший сородич хоронился с миской или иным сосудом в руке, как, например, принц Мескаламдуг [23]. Этим актом обряда символизировалась традиция принимать участие в трапезе богов и желание хозяина сосуда пить вместе с ними волшебный напиток Древа Жизни. Ничего подобного в майкопских ритуалах мы не наблюдаем.

В обрядах майкопско-новосвободненской общности традиция использования порченной, отремонтированной посуды или только ее фрагментов из металла или керамики на основе изложенного выше материала, имела, скорее всего, иное значение. Магическую роль могли играть даже отдельные черепки. Весь этот ритуал был связан, видимо, с реинкарнацией души сородича. Более того, можно думать, что по мифологии, связанной с металлическими сосудами, в «стране предков» можно было пользоваться именно дефектными вещами. Истоки этой традиции восходят к племенам предшествующего времени – носителям древнейших курганных традиций протоямной культуры Предкавказья.

Все эти рассуждения позволяют прийти к выводу, что племена майкопско-новосвободненской общности сформировали в Предкавказье высокоразвитый центр металлообработки, создав свои традиции использования ее продукции в погребальном обряде.

Традиции использования в погребальном обряде порченной посуды после исчезновения носителей майкопско-новосвободненской общности перешли к племенам эпохи средней бронзы, которые, видимо, далеко не все по генной наследственности были потомками майкопского населения² [24], как показывают данные из курганов степного Ставрополя.

2 Вопрос о том, кто по генной преемственности мог быть прямым потомком майкопцев, пока не располагает надежной источниковедческой базой для рассуждений на эту тему.

В итоге можно сформулировать тезис о том, что обряд порчи сосудов, использования дефектной посуды, разбивания горшков при погребальном обряде был свойственен носителям различных культур медно-бронзового века Предкавказья. Он фиксируется по данным племен майкопско-новосвободненской общности и протоямной культуры предшествующего времени, но не обязательно связан с прямыми предками индоевропейцев, вопрос о конкретизации которых в Предкавказье является достаточно дискуссионным.

Благодарность. Работа выполнена в рамках государственного задания АА-АА-А18-118011790090-1.

Acknowledgements. The article was prepared within the framework of the project АААА-А18-118011790090-1, assigned by the government.

Рис. 1 Орудия и оружие из Майкопского кургана

Fig. 1. Tools and weapons from the Maikop Kurgan

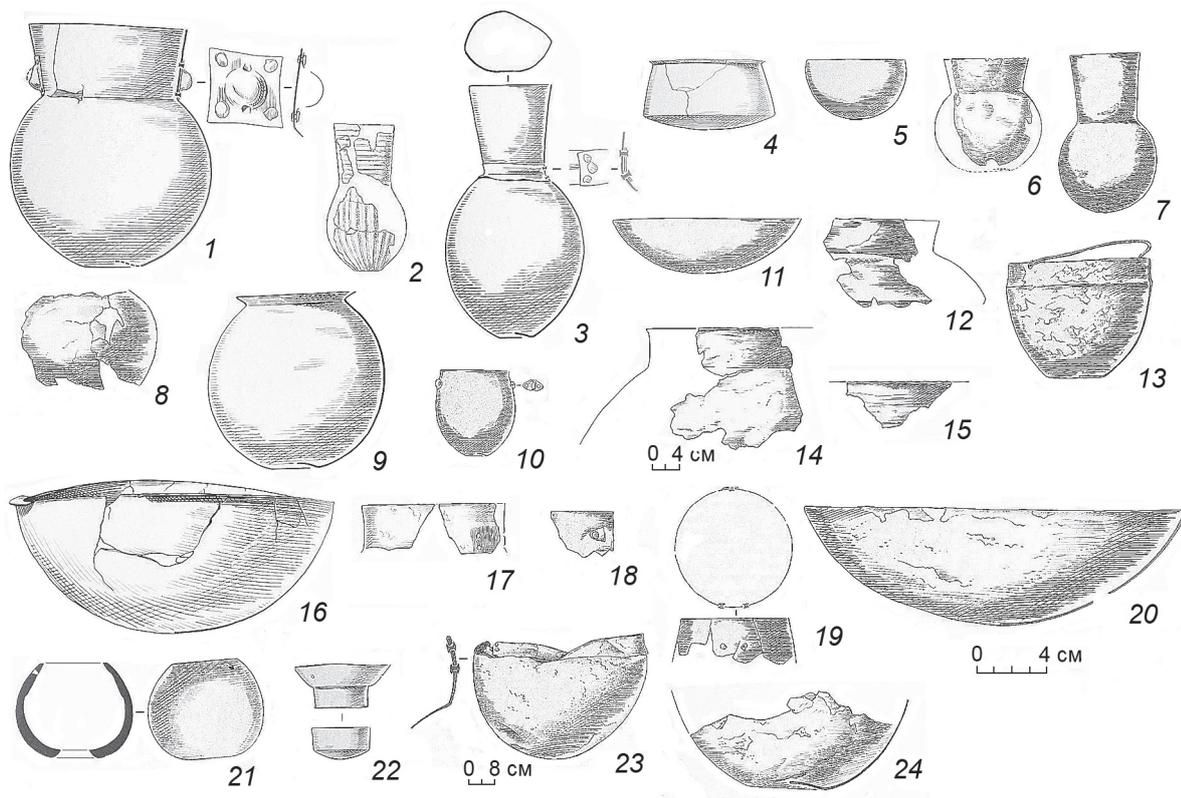

Рис. 2. Металлические сосуды из Майкопского кургана (по Ю.Ю. Пиотровскому)

Fig. 2. Metallic vessels from the Maikop Kurgan (Yu.Yu. Piotrovsky)

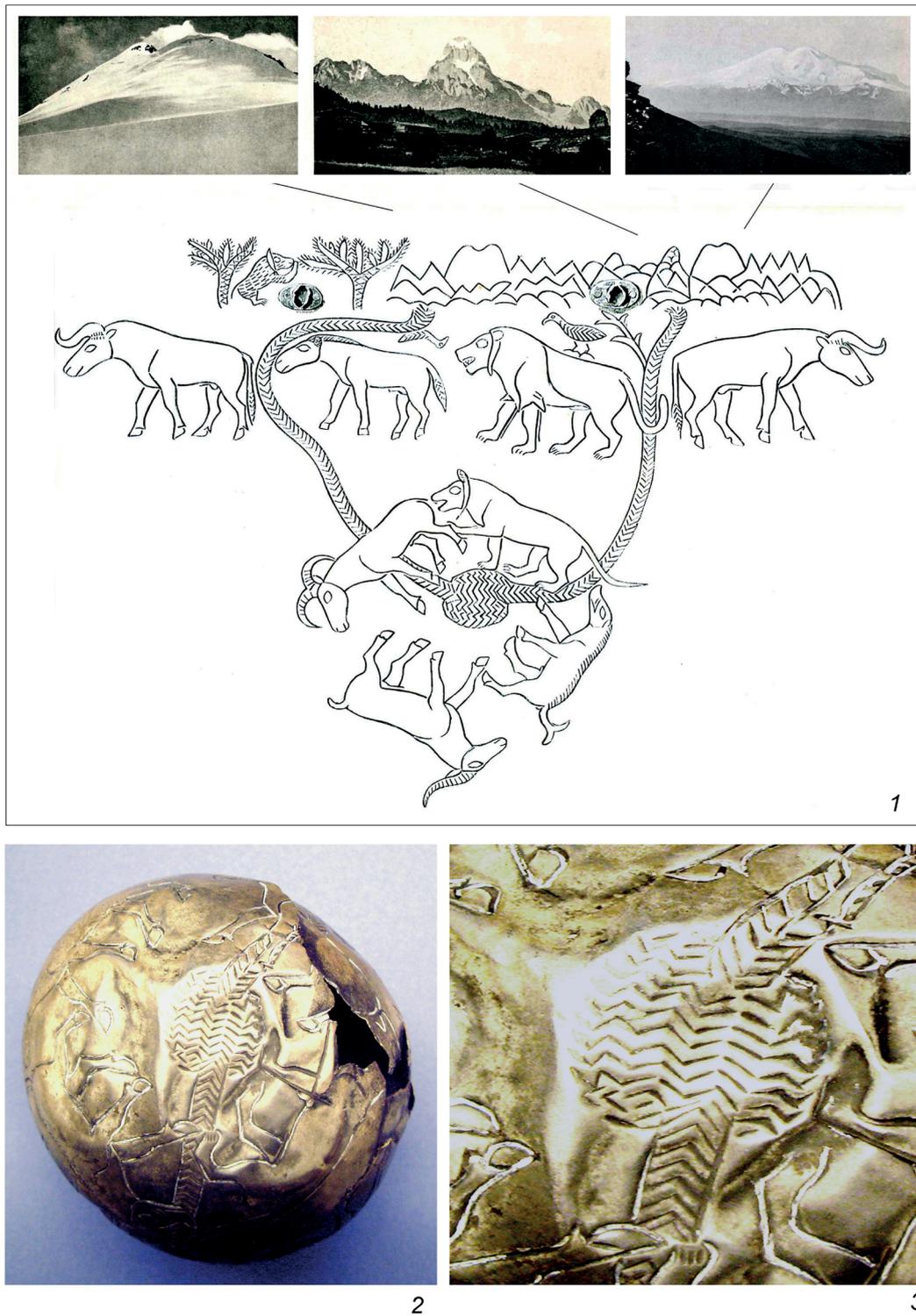

Рис. 3. Майкопский курган. Сосуд с пейзажем

Fig. 3. Maikop Kurgan. Vessel with a landscape

Рис. 4. Майкопский курган. Сосуд с пейзажем и его деформации

Fig. 4. Maikop Kurgan. Vessel with a landscape and its deformation

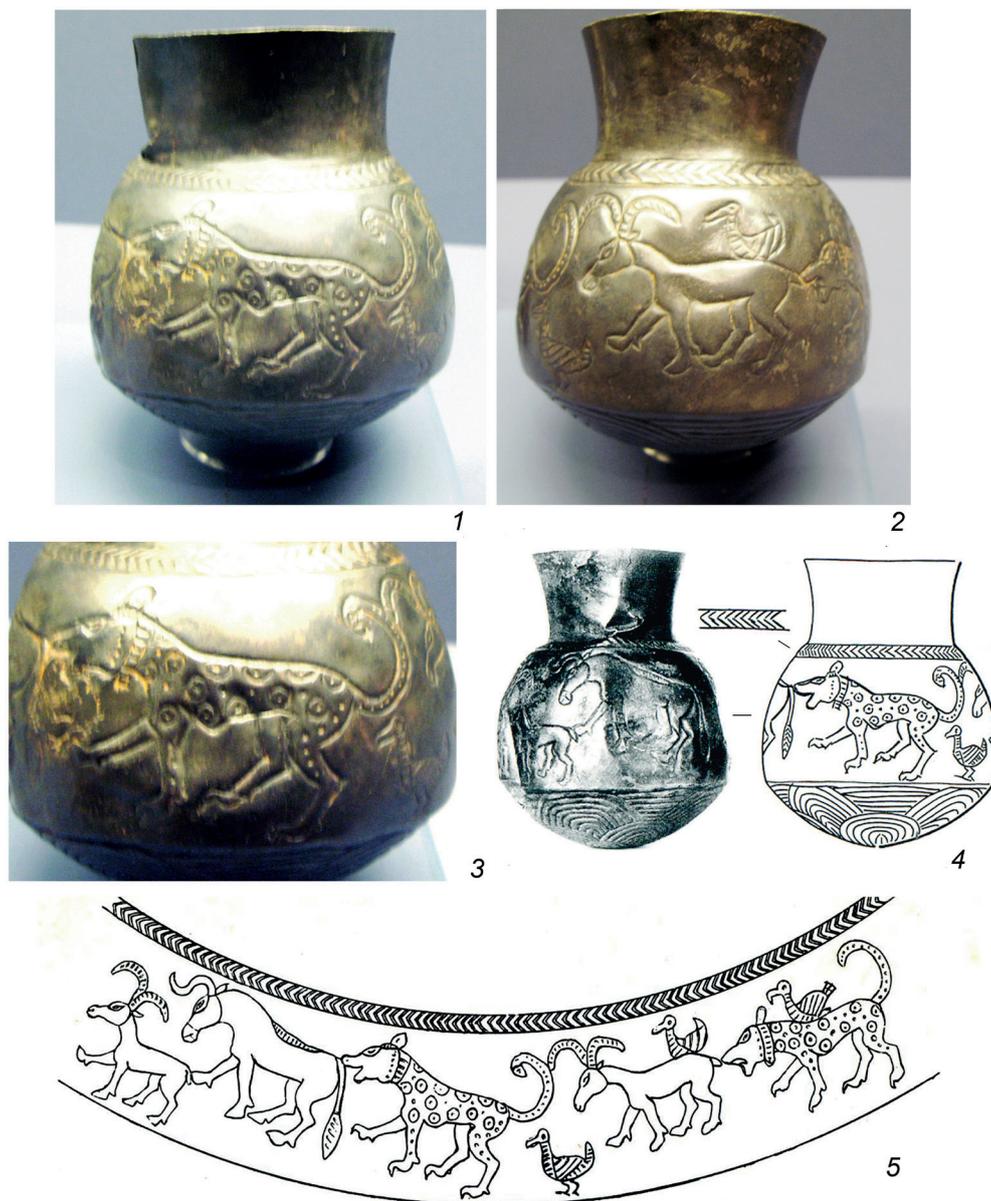

Рис. 5. Майкопский курган. Сосуд с гепардами

Fig. 5. Maikop Kurgan. Vessel with cheetahs

Рис. 6. Майкопский курган. Сосуд с гепардами и его деформации

Fig. 6. Maikop Kurgan. Vessel with cheetahs and its deformation

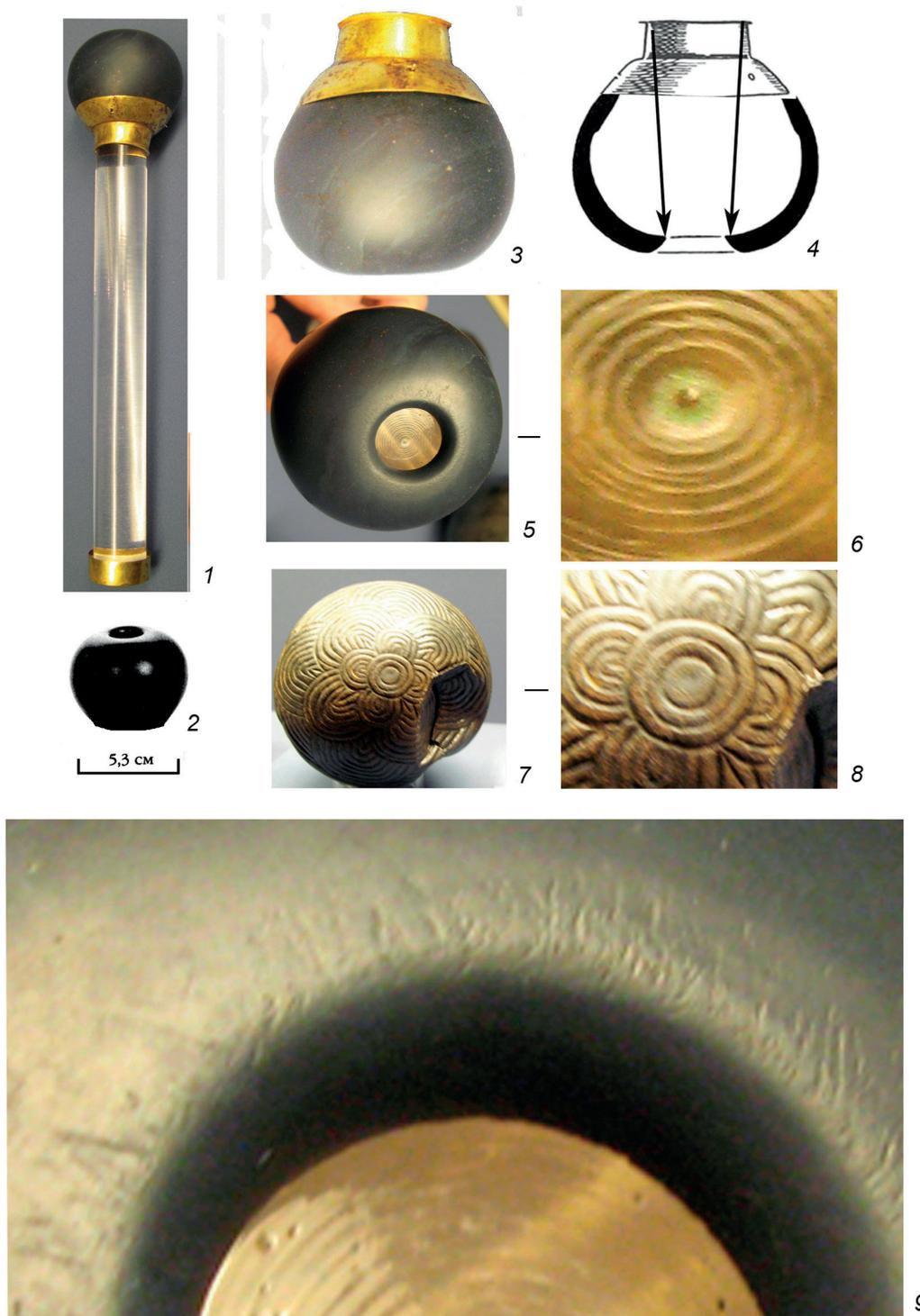

Рис. 7. Каменный сосуд из Майкопского кургана и его интерпретации:
 1 - реконструкция сосуда как булавы (по Ю.Ю. Пиотровскому); 2 - реконструкция накладок; 3 - фото придонной часть кубка; 4 - разрез каменного сосуда (по Ю.Ю. Пиотровскому); 5, 8 - концентрические круги орнамента на сосуде с розеткой; 7 - фото приставного дна сосуда; 9 - следы затертости на дне каменного сосуда (фото автора, коллекция Государственного Эрмитажа)

Fig. 7. Stone vessel of the Maikop Kurgan and its interpretations:
 1 – reconstruction of the vessel as a mace (according to Yu.Yu. Piotrovsky); 2 – reconstruction of the linings;
 3 – photo of the bottom of a cup; 4 – section of a stone vessel (according to Yu.Yu. Piotrovsky); 5, 8 – concentric circles of the ornament on the vessel with a rosette; 7 – photo of the attached bottom of a vessel; 9 – traces of wear on the bottom of a stone vessel (photo by the author, collection of The State Hermitage Museum)

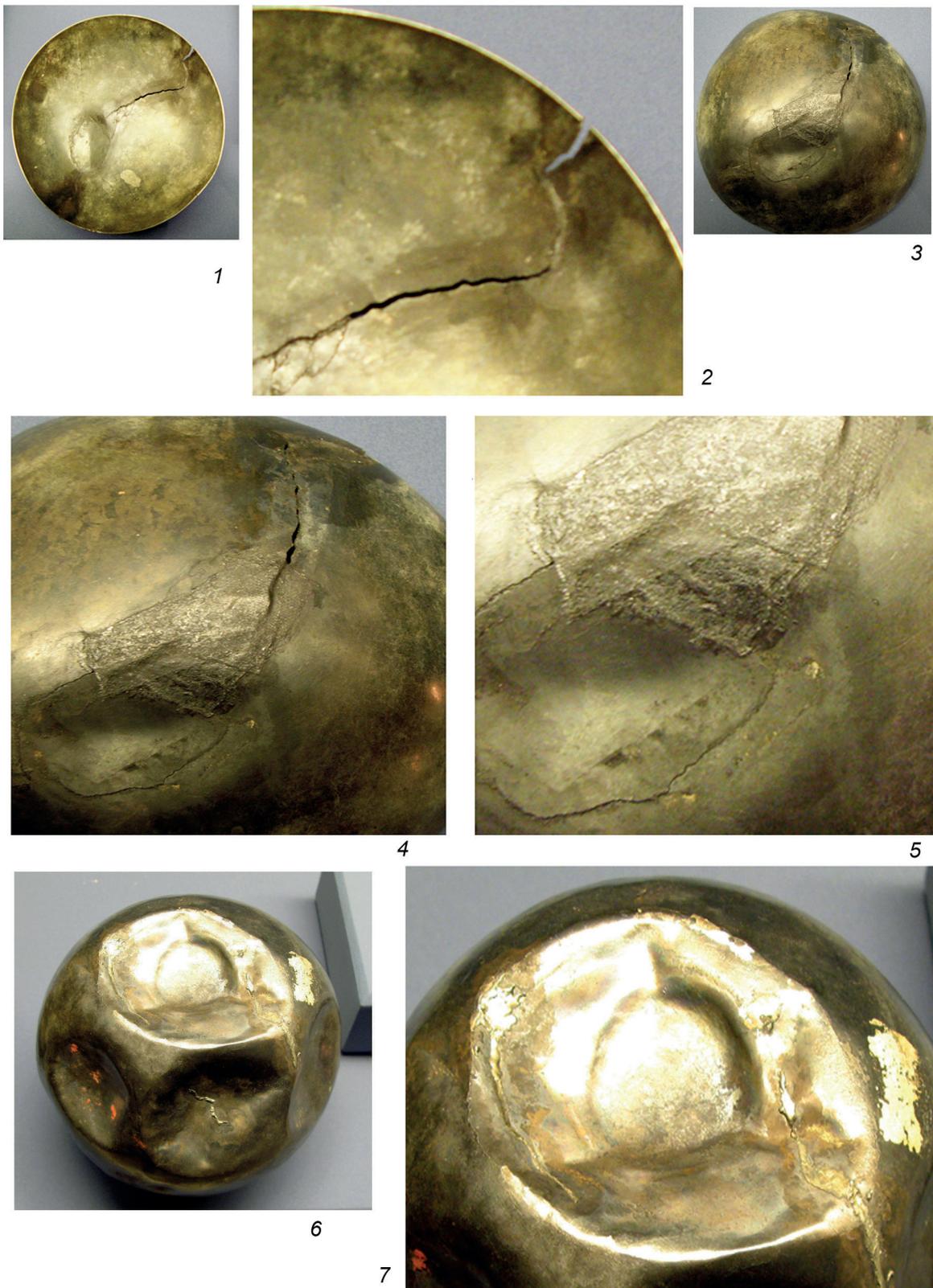

Рис. 8. Дефекты и следы ремонта на сосуде Майкопского кургана
Fig. 8. Defects and traces of repair on the vessel of the Maikop Kurgan

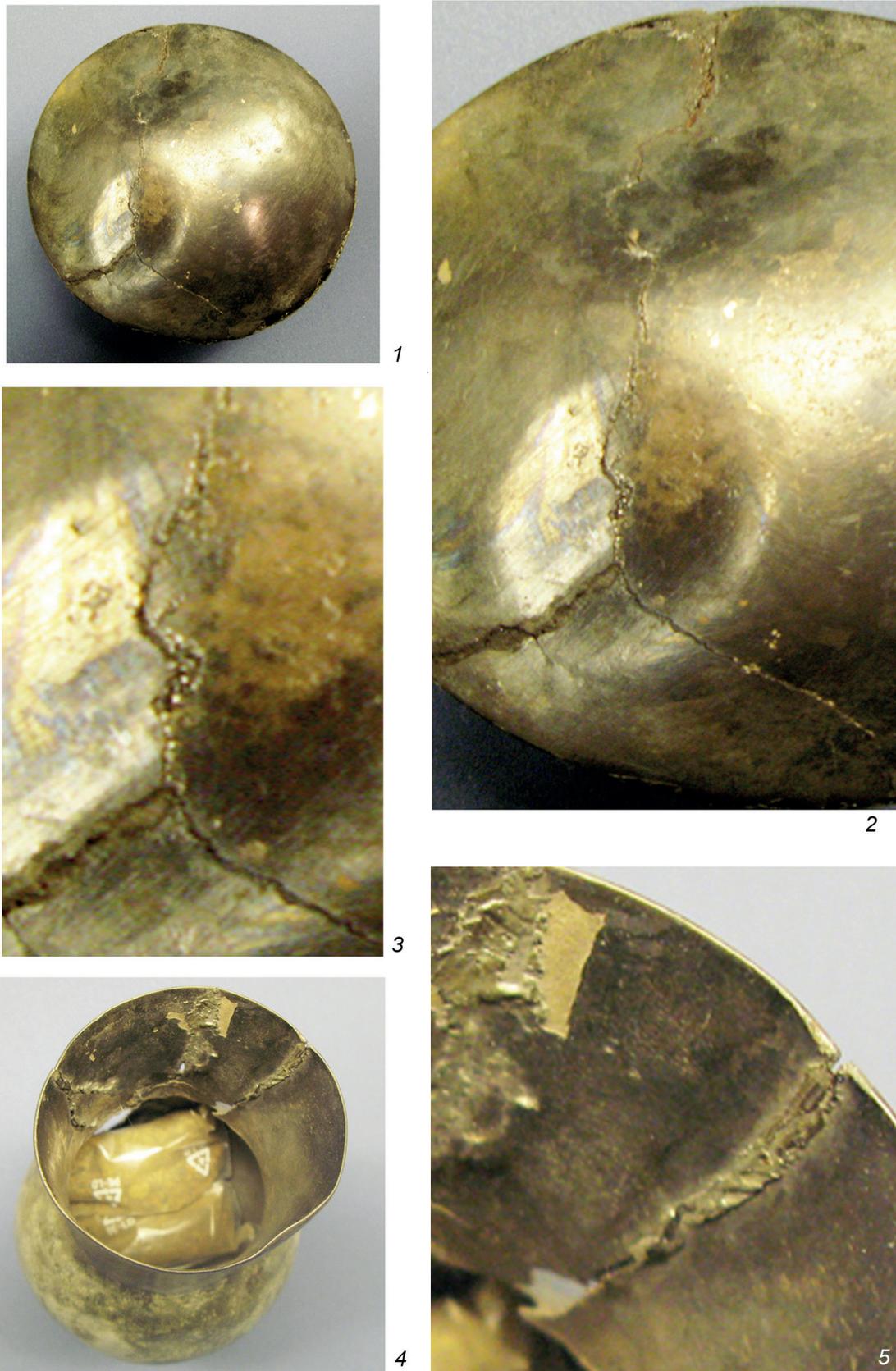

Рис. 9. Дефекты и следы ремонта на сосуде Майкопского кургана, следы сварки или паяния
Fig. 9. Defects and traces of repair on the vessel from the Maikop Kurgan, traces of welding or soldering

Рис. 10. Майкопский курган. Ведро

Fig. 10. Maikop kurgan. Bucket

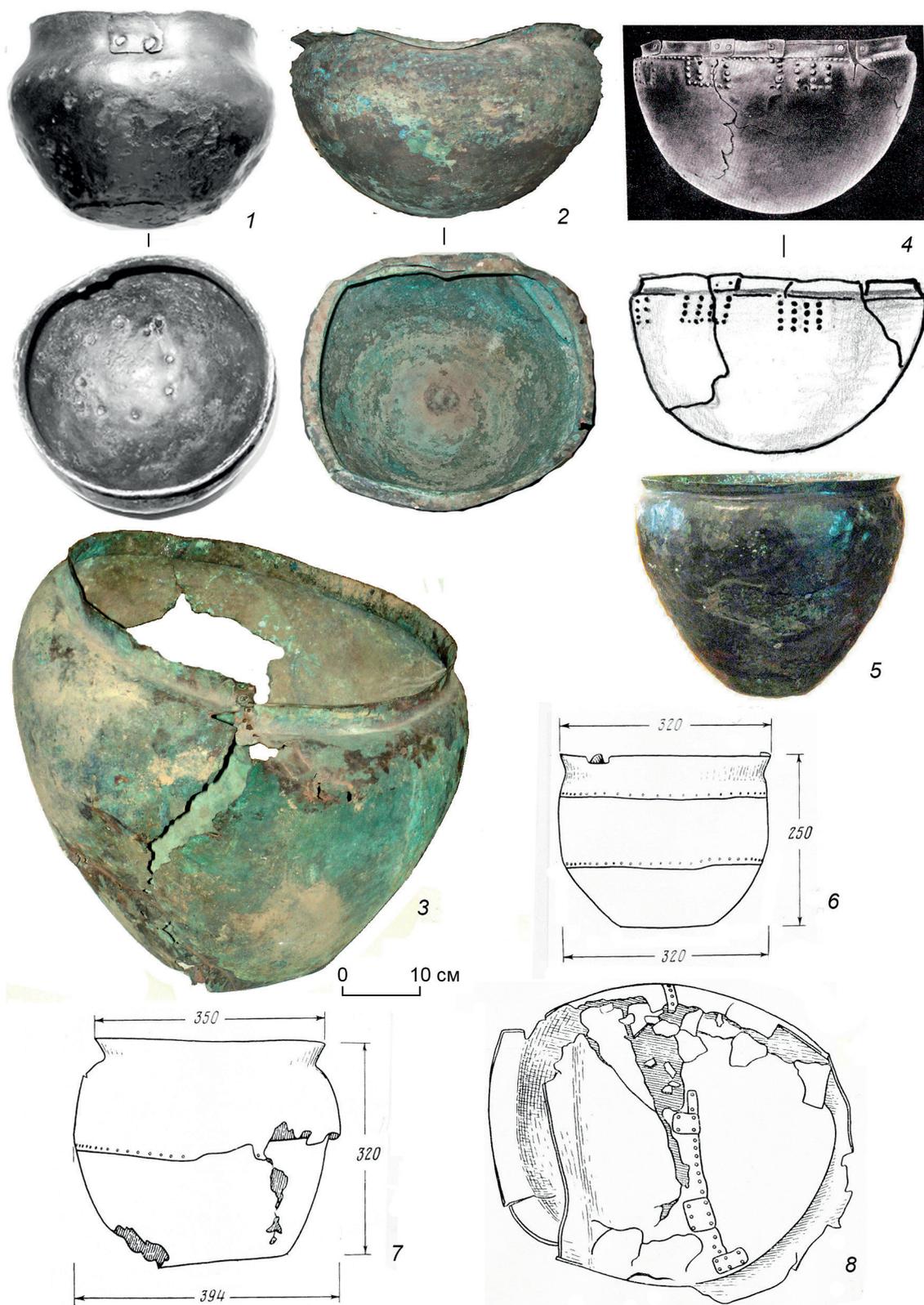

Рис. 11. Сосуды из бронзы из памятников майкопско-новосвободненской общности:
 1 - Заманкул; 2 - Кубина; 3 - Нальчик; 4 - Бамут; 5 - Автозаправка, Кисловодск;
 6-8 - Иноземцево 1976 г.

Fig. 11. Bronze vessels from the sites of the Maikop-Novosvobodnenskaya culture: 1 – Zamankul; 2 – Kubina;
 3 – Nalchik; 4 – Bamut; 5 – Gas station, Kislovodsk; 6-8 – Inozemtsevo, 1976

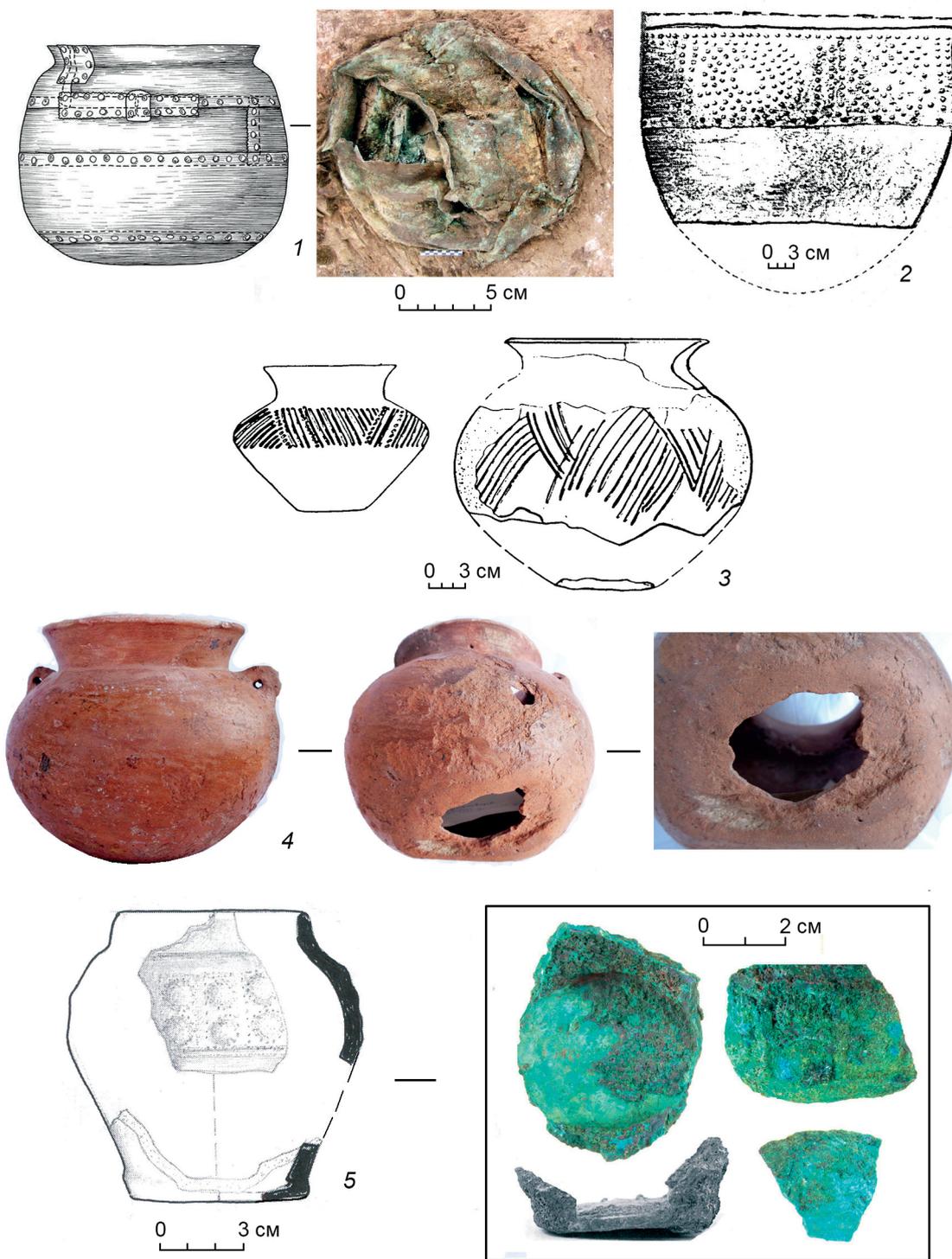

Рис. 12. Бронзовые и керамические сосуды из памятников Предкавказья:
 1 - Андреевский курган; 2 - Эвдык, кург. 4 погр. 23; 3 - Нежинская II группа, кург. 5 погр. 13;
 4 - Нежинская I группа, кург. 1 погр. 14; 5 - Лысогорский, кург. 3 погр. 4

Fig. 12. Bronze and ceramic vessels from the site of the Pre-Caucasus: 1 – Andreevsky kurgan; 2 – Evdyk, k. 4, g. 23; 3 – Nezhinskaya Group II, k. 5, g. 13; 4 – Nezhinskaya Group I, k. 1, g. 14; 5 – Lysogorsky, k. 3, g. 4.
 Fig. 13. Pottery from the Maikop Kurgan

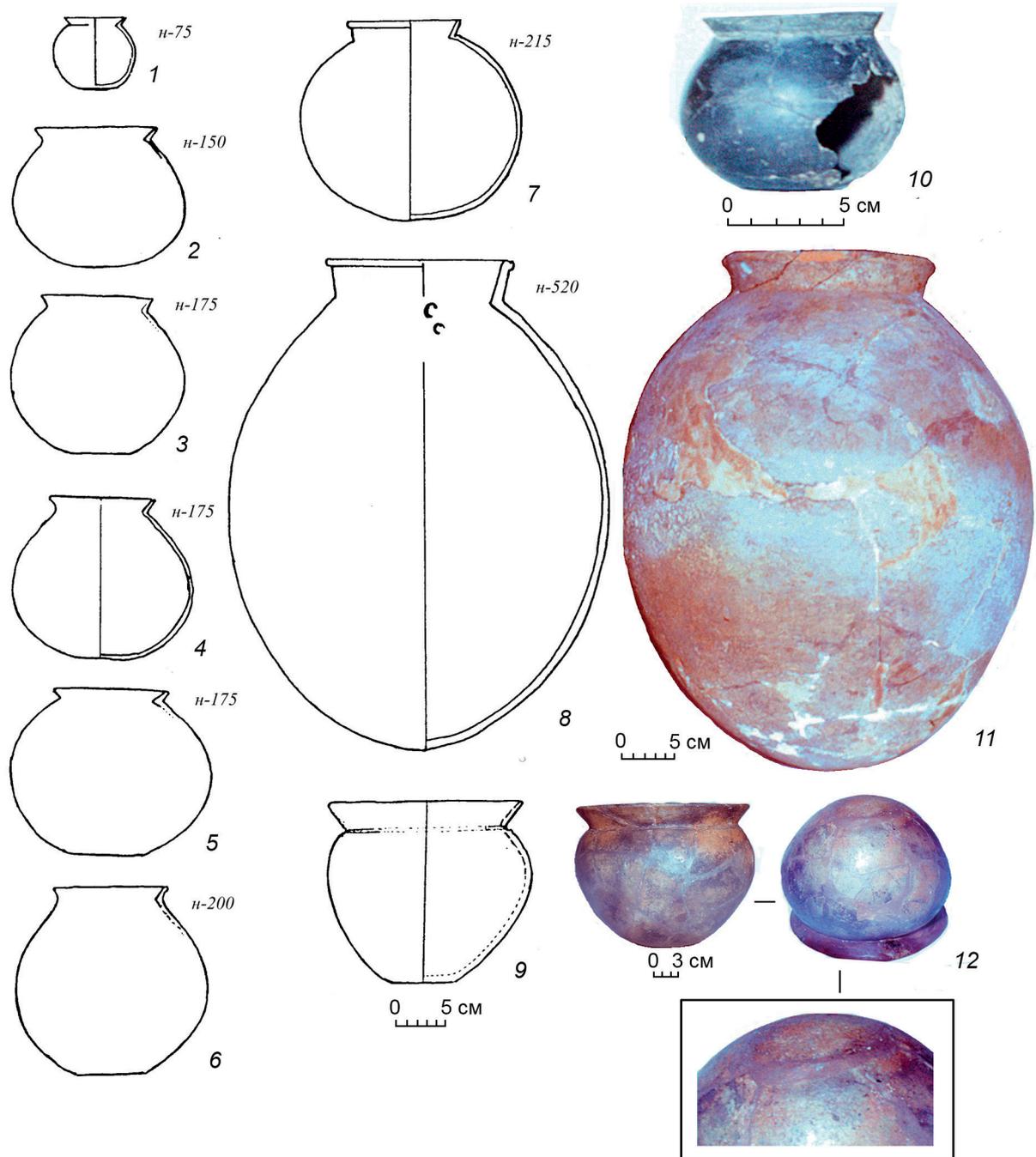

Рис. 13. Керамика Майкопского кургана

Fig. 13. Pottery from the Maikop Kurgan

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. Коловрат Ю.А. Погребальный обряд, могильники и верования славянского населения киевской археологической культуры (По археологическим материалам Подонцова) // История Змиевского края. – Змиев. – 06.02.2010. – URL: <https://colovrat.at.ua/publ/2-1-0-83>

2. Иванов В.В. Реконструкция символики и семантики индоевропейского погребального обряда // Исследования в области балто-славянской древней культуры. Погребальный обряд. М: Наука, 1990. - 255 с.

3. Веселовский Н.И. Отчет Императорской археологической комиссии за 1897 г. СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1900.

4. Мусебли Н. Результаты раскопок поселения Пойлу II Лейлатепинской культуры // Археология, этнография и фольклористика Кавказа. Тбилиси: Медианари, 2010. С. 208–209.

5. Пиотровский Ю.Ю. Майкопский курган (Ошад). От археологического памятника к археологическому источнику // Кавказ между Восточной Европой и Передним Востоком в бронзовом и железном веке: диалог культур и культура диалога. Berlin: Ditrich Reimer Verlag, 2020. С. 105–171.

6. Пиотровский Ю.Ю. Коллекция материалов из погребений Северного Кавказа // Шлиман. Петербург. Троя. Каталог выставки в Государственном Эрмитаже, Санкт-Петербург, 19 июня - 18 октября 1998 г. Под общ. науч. ред. М.Б. Пиотровского. Автор концепции выставки и кат. Ю.Ю. Пиотровский. СПб.: Славия, 1998. С. 241–249.

7. Корневский С.Н. К вопросу о месте производства металлических вещей Майкопского кургана // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп: Изд. Адыгейского Института истории, языка и литературы, 1988. С. 86–104.

8. Фармаковский Б.В. Архаический период в России. Памятники греческого архаического и древнего восточного искусства, найденные в греческих колониях по северному берегу Чёрного моря, в курганах Скифии и на Кавказе // Материалы по археологии России. № 34. Петроград, 1914. С. 17–78.

9. Rostovtzeff M. Iranians and Greeks in South Russia. Oxford: Clarendon Press; New

1. Kolovrat-Butenko YuA. Funerary rites of the Slavs. *History of the Zmievisky krai [Pogrebal'nye obryady slavyan. Istoriya Zmieviskogo kraya]*. Zmiev. Available at: <https://colovrat.at.ua/publ/2-1-0-360>

2. Ivanov VV. Reconstruction of the symbolism and semantics of the Indo-European funeral rite. *Research in the field of Balto-Slavic ancient culture. Funeral rite [Rekonstruktsiya simvoliki i semantiki indoevropeyskogo pogrebal'nogo obryada. Issledovaniya v oblasti balto-slavyanskoy drevney kul'tury. Pogrebal'nyy obryad]*. Moscow: Nauka, 1990. p. 7.

3. Veselovsky NI. *Report of the Imperial Archaeological Commission for 1897 [Otchet Imperatorskoy arkheologicheskoy komissii za 1897 g.]*. Saint Petersburg, 1900.

4. Museibli N. The results of excavations of the Poilu II settlement of the Leylatepinsky culture. *Archaeology, ethnography and folklore studies of the Caucasus [Rezultaty raskopok poseleniya Poylu II Leylatepinskoy kul'tury. Arkheologiya, etnografiya i fol'kloristika Kavkaza]*. Tbilisi: Mitzniereba, 2010.

5. Piotrovsky YuYu. Maikop kurgan (Oshad). From an archaeological monument to an archaeological source. *The Caucasus between Eastern Europe and the Near East in the Bronze and Iron Age: the dialogue of cultures and the culture of dialogue [Maikopskiy kurgan (Oshad). Ot arkheologicheskogo pamyatnika k arkheologicheskому источнику // Kavkaz mezhdru Vostochnoy Evropoy i Perednim Vostokom v bronzovom i zheleznom veke: dialog kul'tur i kul'tura dialoga]*. Berlin. Ditrich Reimer Verlag, 2020. p. 105–171.

6. Piotrovsky YuYu. The collection of material from the burials of the North Caucasus. *Shlieman. Petersburg. Troy. Exhibition catalog of the State Hermitage Museum, Saint Petersburg, June 19 – October 18, 1998 [Kollektsiya materialov iz pogrebeniy Severnogo Kavkaza // Shliman. Peterburg. Troya. Katalog vystavki v Gosudarstvennom Ermitazhe, Sankt-Peterburg, 19 iyunya - 18 oktyabrya 1998 g.]*. Yu.Yu. Piotrovsky (ed.). The author of the concept and the catalogue – Yu.Yu. Piotrovsky. Saint Petersburg: Slavia, 1998. p. 241–249.

7. Korenevsky SN. On the issue of the place of production of metal items of the Maikop Kurgan.

York: Oxford University Press. 1922. Pp. xvi, 260. 84s.

10. Веселовский Н.И. (репринт). Отчет Н.И.Веселовского о раскопках Майкопского кургана в 1897 году // Древние общества Кавказа в эпоху палеометалла. СПб: Наука, 1997. С.44,45.

11. Корневский С.Н. Древнейший металл Предкавказья. Типология. Историко-культурный аспект. М: Таус, 2011. - 385 с.

12. Корневский С.Н., Петренко В.Г. Курган майкопской культуры у поселка Иноземцево // Советская археология. № 2. С. 96-112.

13. Корневский С.Н., Прокофьев Р.В. Майкопские погребения Андреевского кургана // Stratum Plus. № 2. Кишинев, 2020. С. 83-101.

14. Попова Т.Б. Дольмены станицы Новосвободной. Труды ГИМ. Вып. XXXIV. М.: ГИМ, 1963. - 48 с.

15. Корневский С.Н. К вопросу о кубках и амфоровидных сосудах майкопско-новосвободненской общности и проблема их аналогий на Западе // Stratum Plus. №. 2. 2017. С. 199-226.

16. Корневский С.Н. Галюгай 1 – поселение майкопской культуры. М.: ИА РАН, 1995. - 179 с.

17. Корневский С.Н. Орнаменты – символы плодородия в материальной культуре населения Предкавказья на заре медно-бронзового века // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 15. Оренбург: Оренбургский гос. пединститут, 2021. С. 56-72.

18. Корневский С.Н. Нежинские курганы эпохи бронзы района Кавказских минеральных вод. М.: ИА РАН, 1988. Депонент, N 36109. - 258 с.

19. Корневский С.Н., Березин Я.Б., Габуев Т.А. Уникальное погребение эпохи средней бронзы на Кавминводах // КСИА. Вып. 252. 2018. С. 67-86.

20. Корневский С.Н., Березина Н.Я., Березин Я.Б., Грески Ю. Новые погребения протяжной культуры на Ставрополье // Горы Кавказа и Месопотамская степь на заре бронзового века. М.: ИА РАН, 2019. С. 155-178.

21. Чайлд Г. У истоков европейской цивилизации. Пер. с англ. М.Б. Свиридовой-Граковой и Н.В. Ширяевой. Под ред. Т.С. Пассек. Предисловие А.Л. Монгайта. М.: Иностранная литература, 1952. – 466 с.

22. Иессен А.А. К хронологии больших ку-

Questions of the archeology of Adygea [K voprosu o meste proizvodstva metallicheskih veshchey Maikopskogo kurgana // Voprosy arkheologii Adygei]. Maikop: The Adyghe Institute of History, Language and Literature, 1988. p. 86-104.

8. Farmakovskiy BV. *The Archaic period in Russia*. Monuments of the Greek archaic and ancient eastern art, discovered in the Greek colonies at the north coast of the Black Sea, in the Scythian kurgans and the Caucasus [Arkhaicheskiy period v Rossii. Pamyatniki grecheskago arkhaicheskago i drevnyago vostochnago iskusstva, naydennye v grecheskikh koloniyakh po severnomu beregu Chernogo morya, v kurganakh Skifii i na Kavkaze]. MAR No. 34. Petrograd, 1914. p. 17-78.

9. Rostovtzeff M. *Iranians and Greeks in South Russia*. Oxford: Clarendon Press; New York: Oxford University Press, 1922. p. XVI, 260.

10. Veselovsky NI (reprint). N. I. Veselovsky's report on the excavations of the Maikop Kurgan in 1897. *Ancient communities of the Caucasus in the era of paleometal* [Otchet N.I.Veselovskogo o raskopkakh Maikopskogo kurgana v1897 godu // Drevnie obshchestva Kavkaza v epokhu paleometalla]. Saint Petersburg: Nauka, 1997.

11. Korenevsky SN. *The oldest metal of Ciscaucasia. Typology. Historical and cultural aspect* [Drevneyshiy metall Predkavkaz'ya. Tipologiya. Istoriko-kul'turnyy aspekt]. Moscow: Taus, 2011.

12. Korenevsky SN, Petrenko VG. Kurgan of the Maikop culture near the village of Inozemtsevo [Kurgan Maikopskoy kul'tury u poselka Inozemtsevo]. *Soviet archeology*, 2: 96-112.

13. Korenevsky SN, Prokofiev RV. The Maikop burials of the Andreevsky kurgan [Maikopskie pogrebeniya Andreevskogo kurgana]. *Stratum Plus*. 2020, 2: 83-101.

14. Popova TB. Dolmens of the village of Novosvobodnaya. *Proceedings of the GIM* [Dol'meny stanitsy Novosvobodnoy. Trudy GIM]. Issue XXXIV. Moscow: GIM Publ., 1963. p. 46.

15. Korenevsky SN. On the question of cups and amphoroid vessels of the Maikop-Novosvobodnenskaya community and the problem of their analogies in the West [K voprosu o kubkakh i amforovidnykh sosudakh Maikopsko-novosvobodnenskoy obshchnosti i problema ikh analogiy na Zapade]. *Stratum Plus*. 2017, 2: 199-226.

16. Korenevsky SN. *Galyugay 1 – the settlement of the Maikop culture* [Galyugay 1 – poselenie Maikopskoy kul'tury]. Moscow: Institute of Ethnography of the Russian Academy of Sciences, 1995.

банских курганов // Советская археология. № XII. 1950. С. 157-202.

23. Woolley L. Ur Excavation. Vol. II: The Royal Cemetery. A report on the Predynastic and Sargonid Graves excavated between 1926 and 1931. By C. L. Woolley. Publications of the Joint Expedition of the British Museum and the Museum of the University of Pennsylvania to Mesopotamia. London and Philadelphia, 1934. pp. xx + 604; pls. 4; figs. 81. Plates: pls. 274.

24. Корневский С.Н. Предмайкопский период и майкопско-новосвободненская общность в свете первых данных о генетике их населения (V–IV тыс. до н.э.) // Вопросы археологии Поволжья. Выпуск 9. – Самара: «Слово», 2021. С. 32-42.

17. Korenevsky SN. Ornaments as symbols of fertility in the material culture of the population of the Pre-Caucasus at the dawn of the Copper-Bronze Age. *Archaeological monuments of Orenburg region [Ornamenty – simvolny plodorodiya v material'noy kul'ture naseleniya Predkavkaz'ya na zare medno-bronzovogo veka // Arkheologicheskie pamyatniki Orenburzh'ya]*. Issue 15. Orenburg: Orenburg State Pedagogical Institute, 2021. p. 56–72.

18. Korenevsky SN. Nezhinsky burial mounds of the Bronze Age of the Caucasian mineral waters district [*Nezhinskie kurgany epokhi bronzы rayona Kavkazskikh mineral'nykh vod*]. M: IA RAS, 1988. Deponent, N 36109.

19. Korenevsky SN, Berezin YaB, Gabuev TA. A unique burial of the Middle Bronze Age on Kavminvody [*Unikal'noe pogrebenie epokhi sredney bronzы na Kavminvodakh*]. *KSLA*. 2018, 252: 67–86.

20. Korenevsky SN, Berezina NYa, Berezin YaB, Gresky Yu. New burials of Proto-Yamskaya culture in Stavropol. *Caucasus Mountains and Mesopotamian steppe at the dawn of the Bronze Age [Novye pogrebeniya protoyamnoy kul'tury na Stavropol'e // Gory Kavkaza i Mesopotamskaya step' na zare bronzovogo veka]*. Moscow: IA RAS, 2019. p. 155–178.

21. Childe G. *The dawn of European civilization*. M.B. Sviridova-Grakova, N.V. Shiryayeva (transl.). T.S. Pasek (ed.). A.L. Mongait (foreword). Moscow: Innostrannaya literatura, 1952.

22. Iessen AA. On the chronology of the large Kuban mounds [*K khronologii bol'shikh kubanskikh kurganov*]. *Soviet Archeology*. 1950, 12: 157–202.

23. Woolley L. Ur Excavation. Vol. II: The Royal Cemetery. A report on the Predynastic and Sargonid Graves excavated between 1926 and 1931. By C. L. Woolley. Publications of the Joint Expedition of the British Museum and the Museum of the University of Pennsylvania to Mesopotamia. London and Philadelphia, 1934. pp. xx + 604; pls. 4; figs. 81. Plates: pls. 274.

24. Korenevsky SN. The Pre-Maikop period and the Maikop-Novosvobodnenskaya community in the light of the first data on the genetics of their population (V-IV mill. BC) [*PredMaikopskiy period i Maikopsko-novosvobodnenskaya obshchnost' v svete pervykh dannykh o genetike ikh naseleniya (V–IV tys. do n.e.)*]. Samara: Slovo, Issue 9, 2021. p. 32–42.